

Наталья ДЕНИСОВА

БАСНИ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ*

Миниатюры

Спорщики

Ты в Пинеги-то бывал, нет? Наведайся-ка сюды, не пожалешь! Я вот тут всю жись живу, никуды не хочу в други места. Все-то здесь у нас по-особу... Зимой глаза отковырнул, пока туды-сюды кочкаешься, глядь — ужо темно, а летом... Все переделано, и делов-то боле нет, а все светло, хошь — дак шей садись.

Ну дак я чево эту басню завел-ти, тетка у меня тут живё, ужа вспомню, сколько годов-то ей, дак скажу опосля. Хороша така жёнка, боева, управна. А каки шаньги печет — скусны, румяны... Дак вот, как-то напекла она, окромя шанёг, иша и козуль. К девке своей на города ездила, насмотрелась, ей тоже нать, значит, на городской манер. Малых своих уважить захотела, есь у ей двое внучат. Ничево, неплохи козули получились, таки порато размалеваны, баски. Разложила на тарелки — сюды шаньги, туды козули, сама пошла до соседки, потароболить.

А шаньги да козули ети ляжали, ляжали, да давай спорить, кто скуснее да баше. Шаньги трещат: «Мы-то уж скуснее вас, вон каки ноздреваты, пышны, а вы-то сухари сухарями!» Козули визжат: «Да ничево вы не ведаете, мы-то вон каки нарядны, у вас-то рубаха проста, а у нас-то платье, а дух какой!» А шаньги: «Што ваш дух, мы-то хлебом пахнем! Куды вы лезете со своим духом!»

Услыхала теткина собака Жучка, што говорко в избе-то, пошла проведать. «Чево шумим тут?» — спрашивают. А шаньги да козули и говорят: «Дак вот спор у нас, не знам, кто из нас лучше!» «Ну давай хоть помогу, у меня нос-от на то и дан», — говорит Жучка. И начала пробовать: одну понюхат, куснё, другу, одну, другу... Тут и малы подбежали со двора, тоже помогать стали. Так скоро, хорошо подмогли, смотрят — а тарелки-ти пусты! Андели, андели! Так и не развели, што скуснее. Наведайся-ка ты к нам давай. Тетка иша напечет и шанёг, и козуль, вместяк и решим!

* В тексте по возможности сохранены особенности пинежского говора. — Примеч. ред.

Ефимыч

Куды бежишь-то? Все со своей чикалкой летаешь? Успеешь иша начикать-то. Давай, заходи хоть ненадольшко. Я, вишь, дрова в сараюгу спяхал, а то, чую, дожжи зарядят, когды просушишь. Грязник как-никак на дворе-то хозяйничат. На Фому-то, гляди, остатки развезё...

Не хошь в избу-то зайти? Давай тогды на угор сбродим, я тебе тако место покажу, хоть зачикайся... Обожди малёхо, щас опорки-то ети переодену да батог к дверям поставлю. Батог-то етот не простой, я его Ефимыч зову. С им ведь така история была...

Раньше в деревнях-то как было? Вся жись на виду... Заборов-то высотой с версту не ставили. Замков не держали. Куды пошли — батог к дверям. Нет, значит, хозяев-то дома. Дак никто и не зайдё. Как можно? Ноне-то уж не так...

Ну вот. Ефимыч мой у бабки одной в соседней деревне жил. Бабку-то Ефимья кликали, то и Ефимыч. Ну чево, бабка-то ета померла. Внук ейный из города прикатил, бабку схоронил и давай дом-то перекраивать. Всё на новый манер... «Дачу, — сказал, — сделаю!» А домичок-то иша хороший был, ничево, што бабки-то старше. А ей уж за восьмой десяток перевалило, когды померла-то. Окошечки таки маленькие, приветливо глядели... Бревнышки сереньки, а кокни палкой — звенят. Гладки таки... живы... дышат... А внучку чево-то ето все не по нраву. Железом домичок-то обвесил, не помню, как по-нонешному-то называется, то ли «сайгак», то ли «синдаг», тьфу с им. Окна каки-то запяхал из полиэтилену. Вишь, слово како знаю! Ну чево дале-то? Целу машину барахла притаранил. И дверь железну — три замка! Да забор — така крепость! На што тут батог? Ну Ефимыча и швырнули куды-то... Ляжал он, ляжал сколько-то. Да не ляжалось ему, не привык ляжать-то... «Ну, — думат, — нать куды-то подаваться». А в ето время внучонок-то стал всё со двора-то собирать, чево ему не нать, да в телегу... Ну и полетели туды бабкины тряпки... подушечки, салфеточки, платочки, тусочки, шаечки, крынки... и Ефимыч... Свезли их за деревню и вывалили в овраг...

Ну чево. Я вот как-то мимо етого оврагу-то шел, из леса кабыть, слышу — зовё кто-то: «Обожди, добрый человек! Возьми меня с собой!» Я остановился, слушаю, откуда голос-то, а самому-то боязно так, место тако не шибко хорошо. Вдруг опять: «Тут я! Можно с тобой пойду? Послужу тебе иша». Я в овраг-то глянул, андели, — а ето батог! Ну, думаю, чево бояться, што он мне сделает? Слез в ямину-то, достал. Смотрю — старый, гладкий... Сколько годов-то ему? Ну он мне про жись-то свою и рассказал.

С тех пор вот у меня и живё, дельный такой оказался. Бывает, с им вместяк и в лес ходим. Я до его-то метелку, бывалоче, к дверям ставил. Теперь у ей своя работа.

А потом оказалось, што Ефимыч-то мой последний был с той-то деревни... Ноне ведь всё на замках... И дома, и люди... А каки деревни есь и совсем пусты... на што там батоги-то? Нонешни ворины по деревням-то промышляют, дак им ничево не помеха... В моей-то иша, слава богу, служат штук пять батогов-то. Живем...

Бывает же тако!

Ну чево, пошли. Черники-то в лесу полно, только ленивый не наберё! Поболе короб-то возьмём али какой? Ты пошто чоботки-то ети напялил свои городски, промочишь лапы-то. На, сапоги напяливай да пошли. Дуська вчерась бегала за Осиновец, коробейку хорошу таку притащила. Дак и мы нагребем. Пошли за Осиновец. Ты под ноги-то гляди, идет шелкат своей чикалкой. Чик-чик, чик-чик. И чево вы в еко окошечко-то и видите? Туды чикай не чикай, все равно всего-то не запыхашь... Во кака ширь, смотри! Чево хоть чикашь-то? Навернешься в мургу-то, куды полез? Туды не сворачивай! Мы там не пойдём. Мне бабка моя сказывала про ту дорогу таку басню! Я тамотке с тех пор не хожу! Хошь расскажу?

Вот. Была она, бабка-то моя Марфа, иша девкой, годов, может, семь. И пошли они с робятами в лес, тоже за ягодами. Брат ейный был, Василий, да иша кака-то девка. Дак вот, шли они дорогой-то етой, а дорога-то ета вдоль озера вьется. Ну шли как нать, знают куды, сколько разов уж тут бегали. Малы, говорит, бежим, смеемся, корзинушками машем... К озерине-то подходить стали, глядят: на камне-то, большой там камень-то на берегу ляжал, девки две сидят, в годах уж... Бабка говорила, красивы таки... Сами белы, ажно светятся, волосы черны, как смоль, кудрявы, длинны, до земли свесились. А платья, дак и не видывали таких, как чешуя горят, все серебряны... В травы затерялись, ног и не видать... В деревни-то девки еких не нашивали. А глаза... Бабка говорила, таки глаза... Большашши, темняшши... Глядят на тебя, а ты и стоишь как вкопанный, не сдвинисся. Ну чево, робята-то и встали. Ни туды ни сюды... На девок глядят, а девки-то на их... И молчат... Тут Василий-то как зорё: «Отче наш...» Бабка-то сказывала, они тут и опомнились, глядят, а девки-то ети и пропали, как их и не было... Каки уж тут ягоды, робята бегом домой... Во как... Потому етой дорогой-то и не хожу, пусть и короче будё. Ты-то знашь «Отче наш»? Не?

Глиняна любовь

У меня в Заозерьи-то сестрица двоюродна живё. Имя у ей тако красиво-о-о — Серафима! Она из етих, из староверов будё. Строга така женка. Старинной веры держится. Книги-то у ей моленные древни таки, писанина мудрёна, от бабки иша остались. И в избы-то ейной всё на старый лад. Из современного-то мало чево. Не признаё бабка нынешнего-то барахла. Ни машин-стиралок, ни кастрюль самоварных, ни телевизеров, ни чикалок твоих... Для лентяев, говорит, ето всё. Электричество — то да! Есть у ей, работат. Мало ли чево. Не така уж темна, не с лучиной сидит.

Ну вот. У ей в хозяйстве-то така басня случилась... Всё дивлюсь! Как Серафима-то проглядела? Уж все у ей к ногтю прижаты, никто ни кыркнет, а тут еко... Хошь, дак расскажу?

Ну чево. Как дело-то было...

Изба у Серафимы стара. Печка русска. Готовит Серафима на старьё лад, в чугунах. А особо любит кашу пшеницу парить в крыночке. Така она вкусна получается, рассыпчата, под золотистой корочкой. Крыночка-то у Серафимы последняя осталась, таких уж в нынешне-то время не купишь. Бережёт её старуха. У её под крыночку под ету и ухватик. Понял, нет? Ухватиком-то крыночку в печь отправляют.

Ну вот, эта крыночка-то да ухватик дружно жили. Крыночке без ухватика никуда, ни в печь, ни из печи, и ухватик без крыночки-то ни к чему. Никуда больше не гожа, под крынку сбоблен.

Ну чево. Как-то к Серафимы-то родня пожаловала с городов откудова-то. Молодка с девкой малой. В еких длинных юбках ходили. Долго гостили, потом укатили. Ну и привезли они бабке-то гостинцы. А среди гостинцев-то кастрюлька така была, нынешняя. Небольша, беленька, а по бочкам-то у её цветы да ягодки выписаны. Крышечка ека нарядна, с завитушкой. Посмотрела Серафима на кастрюльку-то да и запяхла на полку, возле печи-то. Вот стоит эта мадама на полки-то, боками сверкат, похохатывает, то с одним чугуном, то с другим. Увидал её ухватик-то, думат: «Во кака красавица, а моя крынка што?.. Вечно в саже...» И стал ухватик-то с кастрюлькой беседы вести, а потом и вовсе перебрался к кастрюльке-то поближе. А крыночка што... Прыг с полки-то, где стояла, да в запечье. Больше никто её и не видал. Ухватик-то и не заметил. Всё перед кастрюлькой-то гонорится. «Я, — говорит, — за тебя хоть в огонь». А та похохатывает над им. То одно попросит, то друго, а он и рад. Расшибусь, да сделаю. Кастрюлька думат: «Вот дурень, размечтался! Я дама городская, буду я ещё с таким остолопом грязным жить. Вон какой тут графин красивящийся стоит, сразу видно — знатных кровей». И прыг к графину этому. Хи-хи, ха-ха. С ухватиком-то даже и не попрощалась... А тот што, понял, не вовсе дурак-то...

А тут Серафима. Кашу решила сготовить. Полезла крыночку-то искать, а той нет нигде. Вся придивилась, куды могла деваться. Взяла старуха кастрюлю-то нову, кашу завела, а в печь-то етаку не пяхнёшь. Ну поставила на новый манер на плиточку электрическу, эта-то была у её. Сидит, ждёт. Поддала жару-то, думат, вкусне буде, как в печи. А каша-то возьми да и сгори. Вонишша в избы-то, дымишша. Серафима кастрюлю-то глянула, а та уж всё, никуда не годна, она её в сердцах-то и вышвырнула в сенцы. Вот тебе и каша! Тут и ухватик в запечье полетел, куды он нужен без крыночки-то...

Лежит ухватик в запечьи-то, осмотрелся, глядь — крыночка. Стал он уж перед её виниться, понял, што родне у его никого и не было... Крыночка не злобна — простила, куды они друг без друга-то...

А после Серафима полезла за чем-то в запечье-то, на тебе! И крыночка, и ухватик там! Подивилась, обрадовалась. Ноне они опять на своих местах в избы-то стоят, рядышком...

Деревенска философия

Нако-те! Когда прикатил-то? Надолго ли? Ты проходи, проходи. Чево стоишь-то в дверях. Я думаю, кто там шабаркается, а это ты. Давай проходи сюды. Чайку хоть пофёркам. У меня ноне чаек-то скусной такой — знашь, нет? — иван-чай! Давай приземляйся на лавку-то. Андели, кака у тебя рубаха-то красивяшша, жоних! Жоних! Чево смеешься-то? Мне вот ноне невесело... Третью ночь не сплю... Все думаю... Говорил мне тата: «Ты шибко-то не задумывайся, без тебя все удумано, главное, по-божески живи!» А тут... Иша што будет!

Пошел я байну топить, кочкаюсь у каменки-то... оскобелок какой-то пяхаю посуше, растопить-то нать. Тихо так... Раненько иша было-то. На дворе тёмно... Коня в поле не видать... Вдруг слышу: «Шур, шур. Шур, шур». В сенцах-то баенных. Думаю, чево еко, кто там? Бывает, мышь кака забралась? Притих, сижу слушаю. А самому-то боязно так. А там, на тебе, иша и говорко чево-то стало. Я уж думаю, ну всё, одурел. Ну да ладно, крест-то на шеи, бват, и ничево. Дай, думаю, послушаю хоть, о чем судят-то, бват, чево неладно удумали, а бват, и дельно чево скажут. Сижу, одним-то глазом зыркаю, кто хоть там беседы-то ведё. Ты што думаешь? Андели... Это голик с веником-то банным березовым. Таки говорки оказались! Голик тот в углу поставлен, а веник-то висит под потолком, его и не видать. Пошто-то тут один оказался, тех, што впереди-то висели, уж и нет. Я в байну-то, бывалоче, пойду, веничек тутотки и возьму... Ну дак чево я другу-то басню завел, ты меня повертывай, когда друго-то заплету чево.

Ты знашь, чево тако голик-то, не? Ну когда веником-то уж отхвостались, лист опал, одны вицы, боле хвостаться-то негоден. Тогды можно им полы в байны-то мести, вместо метлы. Ну дак чево, голик-то смирённый такой оказался, с веником-то так уважительно говорит, а тот не, с гонором! Сижу не шелóхнусь, слушаю... Ну, голик и говорит венику: «Ты, дяденька, сколько уж тут висишь?» Веник отвечает: «Я уж и не помню, когда из леса-то, а вишь, всё иша целой, это вы, дурачины, всё вперед лезете, нет бы помалкивали. Дак они не! Всё хотят послужить, прок от их какой-то был штобы. Чево от етого проку-то? Ты вот недавно из леса принесен, а уж и листочка на тебе нет, спрятался бы, глупень, за другими-то вениками, как я, дак иша бы год какой провисел». Голик слушат, молчит. Слушал, слушал и спрашивает: «Ты, дяденька, тут висишь сколько уж, хорошо ли тебе? Ничево ведь не видашь, всё в темени, всё в пыли, всё один, сам собой... Я дак больно своей жизнью доволен. Сначала вот в байны служил, хозяина от хвори избавил, малого поправил, жёнку... Листья, правда, потерял... Да и пусть, куды я с има, с листьями-то? Сейчас вот полы мету, все лучше, чем в темени висеть да за братьёв своих прятаться, а потом уж... не знай куды...» Веник ему бурчит в ответ: «В печь тебя сунут, и всё тут... не знат он».

Тут я чево-то повернулся, пяхнул локтем лохань-то, котора на скамейки-то стояла. Она на пол и ухнула. Шумко так... Я охолонулся. Вышел в сенцы-то, смотрю: голик в углу, веник на месте, молчат... Ну, думаю, бват, я спал, приблазнилось мне еко... Никаких разговоров не слышать... Дай, думаю, гляну, чево хоть за веник-то. Снял, а он уж старюший, листья так и летят, ветки крошатся. Чево я его раньше-то не видал, во как схоронился. Так никуды и не пригодился, все провисел... Куды такой? Голик — тот уж тоже высох весь, отробил свое... Взял я их — да и в печь...

Ну так вот, чево я завел басню-то эту. Думаю теперича... Как жись-то лучше прожить? Я-то каков? Ты-то как думаешь? Така вот деревенска философия, как там у вас по-умному-то говорят...

Катанцы

Ты пошто давно вести-то никакой не подаешь? Ладно ли там у тебя все? Али забыл нас? Городски нынче, дак што вы! Некогда вам, куды-то всё торопитесь, а каки дела-то у вас? Да ладно, ладно, ужа сам приеду, погляжу, чево вы там и делаете. Я чево тебе рассказать-то хотел, така история у нас тут ноне была интересна. К Дуське-то, ну, знашь ли, на почте работат, девка старша приезжала из города. Она у ей на фельше-рицу учится. Ну так вот, приехала, вся така модна, ничево, што наша, деревенска, в городах-то научилась форсить. И были у ей таки сапожки, черненьки, узеньки, на каблучках. Она в их ну прям как ярка скачет, как и может-то? Так чево, стояли эти сапожки в сенцах, а там иша и стары Дуськины сапожищи да катанцы притулились. Сапожки-то эти стали глядеть по сторонам, зырк, зырк. Видят, сапожищи рядом стоят, чево-то они им сразу не пондравились, может, фасону не того, а может, навозом пахнут, не знай чево. Только горожахи ети аж сморщились, носы задрали, отвернулись. Глядят, катанцы поставлены. Катанцы-то им больше приглянулись, те и почище будут, и не вонючи. И стали ети сапожки с катанцами-то беседы вести. Ладно так рассказывают: как на городах живут, чево видали, где бывали, а катанцы слушают, дивятся. Катанцы-то просты, им што сказали, то и правда. И стали они думать: «А чево это мы тут сидим, ничево не видали, други вон как живут, а мы чево, хуже?» И вот засобиралась девка-то Дуськина на города обратно, а катанцы скок — да и залезли ей в котомки. Котомок-то полно, мать и того, и другого напяхала девке-то. Ну чево, приехали в город. Девка котомки-то расстрясла, глядит — катанцы! «На што они мне тут», — думат, да и швырк их в угол. А сапожки — те стоят на почетном месте, про катанцы и думать позабыли. Ну а те — ждут, когды жись-то городска начнется. Ну чево, сапожки всё где-то летают... Катанцы думают: «Нам бы хоть глянуть, што за город-то, из чево хоть сроблен». Заскочили на окошко — глядят... «У как... где тут и земля-то у их, камнем-то все заложено, и травинке-то

где расти. Домищи большашши, серы, хошь даль-то увидеть, а некак...» Загрустили катанцы. Ляжат в углу... скучают, Дуську вспоминают. Так до зимы доляжали. Пыльны уж все стали. Вот и зима прикатила... Ну, думают катанцы, может, теперя сгодимся? Ан нет... Всё ляжат, девка в их сторону и не глянет. Опять к окну они, значит, прыгнули. «Может, чево у их тут в городах с зимой не так, кто знает?» — думают. Ну и правда. В окно-то уставились, а там... На дорогах-то не снег, а каша кака-то, грязно, мокро, куды тут в катанцах. Завыли в голос, ляжат в углу, жись свою в деревни-ти вспоминают. Как, бывало, выскочат на снежок, то по двору, за дровами, то на реку до майны, то в лес за метелками бегут... А снежок легкий, щекочет, аж до чихоты... Али, бывало, в храм Дуська-то пойдё зимой, а там хорошо, тепло, жёнки поют... Бывало, и домой забегали, и в гостях бывали. Все новости узнашь, бывалоче. А тут чево... Глядишь, и моль сожрё...

А тут девка-то к матери опять засобиралась, а катанцы тут как тут, скок в котомки, сидят не шелóхнутся, лишь бы к Дуське скорее, в деревню. Добрались, горемыки. Дуська котомки-то прибирала, глядит — катанцы! Обрадовалась! Она их ведь сколь искала, думала, куды девались-то. Без их-то как? Зима! А катанцы радешеньки, никаких им городов не нать, одно поняли: «Где родился — там и пригодился!»

Как мужик от смерти бегал

Знашь, наверно, Кузьмича-то? Нет? Да как не знашь? Изба у его иша така нарядна, наличнички резны, кружевны, ни у кого в деревни еких-то нет? Не знашь? Да его иша Дельным на деревне-то кличут! Ну! Ему ведь сей год девяносто пять стукнуло! О как! А он все летат! Глянешь, ни свет ни заря, а он уж из леса бежит! То с грибами, то с ягодами. А зимой вицы все для метелок таскат, на всю деревню принесё. Я, бывалоче, только иша вылезаю во двор, а он уж дрова колет! Я только повернусь, а етот уж с рыбалки летит, полный пехтерёк рыбы-то. Все он кружится, то копат, то строгат, то колотит, то пилит... А в огороде у его всё по линеечке! Грядочки таки ровны-ы... Каждый год Кузьмич с урожаем. У баб сорняки, каки-то жуки да гниль орудуют, а у етого — красота, всё так и прё. И самому хватат, иша и нам раздават. А мастеровой!.. Ничево, што три класса кончал. Што хошь починит. Хошь часы, хошь утюг, хошь радио, хошь мотор лодочный... За то его в деревни-то Дельным и кличут.

Я ему как-то говорю: «Ты, Кузьмич, хошь бы отдохнул, всего не переделашь...» А он мне знашь чево: «Не-е-е, Степаныч, ты што! Я как робить-то оступлюсь, смерть меня так и сцапат. Она баба хитра! Зазевался, и всё! Собирайся, голубеюшка! А так — догони попробуй! Она только ко мне лыжи-то навострит, а я в лес, али иша чево. Смерть-то за мной не поспеват! Застать не можё! Главно, без дела сидеть-то не нать! Безделье-то время крадё... От безделья-то вся дрянь и лезет в душу-то! Оттого и бодем! Ладно, давай! Побежал я. Делов-то иша сколько не делано...»

Там, где живет Сиверко...

Я тебе щас такую историю расскажу. Хошь верь, хошь не верь. Ты садись давай, садись, хоть вон на чурку-то али на крылечко. Куды хошь садись. Давай я тужурку свою постелю.

Ну чево. Пошел я тутотке на днях в лес, за груздями. Место одно хорошо знаю, опосля и тебе покажу. Мне чево, не жалко. Иду по леску-то, а там хорошо... Гляжу, листочки жёлты уж проглядывают, то тут, то там, сигналият — знамо, осень рядом! Паутинки за нос цепляются... Солнышко глядит сквозь ветки, подмигиват. Светло так... А дух какой! Всё в ём! И земля, и воздух, и водица, и вся жись лесна...

Ну чево. Я к месту-то подхожу, гляжу: оно — не оно. Оно! Заметина у меня там есть одна, не ошибешься. А груздочки-то меня уж поджидают, глядят: «Чево припозднился сей год?» Ну, поздоровался я с има да давай в короб-то складывать. А они таки крепки, туги, которы поболее, дак сами в руки идут, а малы в травку прячутся да под листья лезут. Ну, набрал я короб — доволен. Нать домой поворачивать. И што ты думаешь? Гляжу, а куды идти-то, не знаю! Во как закружило! Сколько по лесам хожу, ни в жись такого не бывало, малым иша все нашенски-то леса обегал! А тут на тебе, голова седа, а ума все мало! Срам! Кому скажи — засмеют! Да што поделашь, нать до дому-то попадать как-то. Всяко дальше городов-то не ушел.

Тут слышу... сучья-то затрещали. Я аж присел, ну, думаю, Потапыч! Время-то к тому — медвежьи свадьбы! У меня в головы-то одна мысля, куды бы схорониться! А тут! Андели! Мужик! Выкатыват из-за куста! Я екого-то и не видывал в наших-то местах. Смотрю, высочашший, плечишиши широки, крепкий такой. Богатырь! Волоса — те белы, длинны. Борода густяшша, кудрява, седа. Рубашка у его така интересна, домо-ткана, расшита, кушаком нарядным подпоясана. Каки штаны-то, не упомянул, а вот сапожки — те перед глазами до сих пор стоят. Красны, камнями расшиты, носы кверху! Ноне такой одежи-то и не носят. Смотрю я на мужика-то, а он на меня глядит. Глаза сини-и!

«Здорово, — говорит, — Степаныч, ты меня не бойся. Вижу, закружило тебя, бывает, бывает».

Я гляжу, мужик-то, кажись, ничево, ну и осмелел. «Здорово, — говорю, — коль не шутишь. Ты откудава меня знаешь-то?» А он мне: «Как не знать, я иша и татку твоего знал, и деду. Сколько раз в лесу встречал. Мороз не мороз, жара не жара, лес-то для вас што дом родной! То по дрова, то по ягоды-грибы... Всё у вас с умом, уж никого не обидели из лесного-то царства, лишнего-то не бирывали, беды не приносили...»

Я стою, дивлюсь еким словам-то. Гадаю, кто таков? А мужик-то говорит: «Ну чево стоять-то, пошли в гости ко мне, а после я тебя до дому-то провожу, ты не пужайся, не обижу!»

Ну чево, делать-то нечево, пойду, думаю, разведая, кто хоть таков. Пошли. Мужик впереди идё, я за им едва поспеваю. Подошли к пещеры. У нас на Пинежье-то пещеры — дело не удивительно. Всяки есть:

и больши, и малы. И жись в их особа! Приезжай, погляди! Не пожа-
лешь!

Мужик говорит: «Ну вот, пришли! Тут и живу! Проходи!» Зашел я
в пещеру-то, а там красота!

Андели! Стены переливаются голубым, розовым, зеленым, будто се-
верно сияние развесили по стенам-то. Под ногами-то лед! Прозрачный,
яко хрусталь, каменья видно! А на потолку-то снежны кристаллы, кру-
жежны, серебристы, звездами горят! Сверху-то вниз да снизу вверх —
столбы ледяны, яко колонны... Я стою, дивлюсь!

Мужик говорит: «Сиверко я! Ветер северный, студень! Всю землю
облетел, лучше здешних мест не нашел! Пещеры мне ледяны пригляну-
лись! Зимой в их студено, да и летом холодком не обидят! Всё по мне!
Сколько веков уж тут живу, никуды не хочу боле! Дела свои по миру-то
управлю — и сюды! Нету лучше мест!»

Вот оно как! «Это ты, значит, метели-то нам нагоняшь, снега ме-
тешь?» — спрашиваю я. Отвечат Сиверко: «Как без етого-то, Север ни-
как, все по природному закону... Давай я тебя чаем напою!»

Попили мы чаю. Скусной такой, дух травяной... Я такого не пивал.
«Хорошо у тебя тут, — говорю я Сиверко, — да пора бы и до дому по-
падать...»

Собрались мы, пошли... Сиверко впереди, какими-то тропами меня
ведё, я еких и не знавал. Глядь, уж и лесу конец... Я только хотел Сиверко-
то поблагодарить, а его уж и нет... только ветерком холодным обдало...

Добро найдет дорогу

В деревни люди разны живут... Вот я. У меня вся жись — дерев-
ня, я, окромя ей, ничево не видал, да и не хочу, и руки у меня под де-
ревенску работу заточены. Тутотке родился, тутотке и помру, как татка,
дедка, прадедка... Не я один екой-то. Старожилы мы... Слово-то како.
До пенсии дожили в деревни, куды нам теперича, в городах-то с тоски
помрем... Вот и сторожим деревню-то, кто иша остался... А в иных де-
ревнях и «старожить» некому... Есь люди, которы в деревни поневоле,
уехали бы, да некуды и некак, лишной копейки нет. Город — он деньги
любит, а где их взять-то? Так и живут, своим трудом. Жись-то им ека по
наследству досталась, родители выпягнуть в городá-то не смогли... Есть
совсем пропаши, те ни деревне, ни городу не нужны. У их одна забота —
как бы нажориться да забыться. Так и живут, маются... Есть идейны! Ну
еки, которы города-то бросают — да в деревню. И давай... Кто во что
горазд... У нас еких-то нет. У нас всё боле дачники. Лето в деревни, в
родительских домах, а на зиму-то на города подаются.

А есть и таки, которы когды-то укатили на города-то, а на старости-
то лет их в родны края потянуло... Вот ето у нас Анастасия Ивановна
така. По молодости уехала из деревни-то. На учителку выучилась да в
городе и осталась. А там семья, дети... Летом наведывались к бабке-то с

дедкой на неделю, другу — и опять на города. Так и жись прошла... Дети разлетелись, мужик помер. Стало у Анастасии сердце ныть, в деревню проситься, в родной дом...

Приехала. Избу подправила, жить стала. Дак тоже спокойно сидеть-то не можё, куды учительску-то закваску денешь... Удумала в деревне-то музей сделать. У ей стара изба есть бабкина, ну вот она там и затеяла котовасию-то ету. Всякой утвари насобирала, что свое, что у бабок выманила. Ничево так получилось. В одной комнаты изба деревенска устроена — кухня. И половички в ей, и всяки горшки, и скамейки, и даже печка русска стоит, правда, уж не действует, куды, столько годов-то ей. В другой комнаты кровать поставлена, и люлька детска, и буфетик, и сундуки есть, станок тканый старюший, и даже баба така ненатуральна стоит, в одежу-то ранешну обряжена. А рядом с ей и мужик. Во как!

В другой избы — советско время. Там и шкапчики еки, годов со-роковых, и помоложе, патефон откуда-то, да иша и играт. Даже парта притаранена школьна, с крышками-то екими, они иша поднимались-то. И игрушки. Всяки разны, разных годов. Игрушки-то Анастасия особливо любит. Стрась ейна. В городе коллекцию-то свою собирать начала, давненько уж, а потом и в деревню перетащила с собой. Хороши есть игрушки — редки, интересны.

Ну вот. Про музей-то в райцентре узнали, приезжали каки-то руководители, смотрели, хвалили, помочь обещали, чем нать. А потом стали к нам ездить туристы всяки. Ученики приезжают, бывает, с учительками из окрестных школ, смотрят. Наши-то деревенски все уж побывали, со всей родней. Анастасия Ивановна всех пускает, никому не отказывает, да и денег не берё! Ей и жёнки наши помогать стали. Кто чево принесё, кто подежурит, кто приберё, кто гостей встретит. То посиделки каки устроят, мастерят чево-то, бывает, с робятами-то козули пекут да красят.

Ну вот. Был у Анастасии Ивановны-то однажды случай такой, с игрушками-то... Пришли в музей жёнка со старушкой. Мать да дочь. В годах уж. Они в соседней деревне жили у родни, гостевали. Ну чево, ходят они по избы-то, смотрят, дивятся. Городски они, не видывали екого-то. Анастасия Ивановна им сказыват басни-то свои про жись деревенску, показыват убранство. Те довольны!

Дошли до избы-то с игрушками, заохали. И ека у их была, и еку видали. Тут старушка увидала медведика, екий буренький, плюшевый, в уголке посажен был. У ей слезы и побежали по щекам-то ручьем. Жёнка, что с бабушкой-то была, испугалась, подскочила: «Мамочка, мамуля, ты что, тебе плохо?» А старушка на медведика-то показыват, сквозь слезы причитат: «Это мой, мой... Мой Борька... Я когда в Ленинграде жила, мне его папа подарил, перед уходом на фронт... Сказал: “Береги Борьку!” Мне четыре годика было... А тут блокада... Как-то бомбить начали... Мы в убежище с мамой побежали, не успела я Борьку с собой забрать... Вернулись — дома нет... Я тогда долго ревела... Не нашли мы с мамой Борьку... И папа не пришел...» Старушка рыдала, тянула

трясущиеся руки к медведику. Конечно, это был не Борька... Анастасии-то точно известно, откуда эта игрушка. Долго за ей гонялась. Нашла. Больши деньги отдала — редкость. Таких в довоенно-то время вручную делали, опилки в их, лапки движутся. По тем временам невидаль. Да ведь не Борька... А... пусть будет Борька, пусть...

Анастасия Ивановна взяла медведика и подала старушке. А та, как девчушка, начала обнимать его, целовать в потертую бурую голову... «Можно... можно забрать его?» — лепетала бабулька с надеждой в голосе. — Борька, милый, ты прости меня...» — «Конечно, конечно, берите, это ведь ваш Борька, ваш...» — «Ой спасибо тебе, милая, спасибо!»

И старушка, что малый ребенок, начала крутить игрушку в руках, вертеть лапки, расправлять уши, гладить по ветхой спинке и что-то говорить, говорить... Дочь, та денег предлагала, за медведика. Анастасия Ивановна наотрез отказалась: «За память деньги не берут».

А потом, каким-то чудным образом, попали к Анастасии-то аж три таких медведика, и всех подарили... Вот ведь как бывает. Добро-то всегда найдёт дорогу...

Чум-камень

Ну чево. Давай чайку пофыркаю? Куды торописся, не? Не! Ну тогда уважь старика. Садись давай. Не часто и забегашь. У меня ноне чаёк-то из чаги! Слыхал про таку, нет? Ето гриб такой, на березы растет. Больша удача гриб-то етот найти. Найдешь, с березы сымешь (надо токо с живой), почистишь, высушишь, на кусочки раскокашь, и всё — чай заваривай! От всех болезней! Ты пей, не бойся, не помрешь! А я тебе каку ли басню опять скажу. Хошь, нет? Хошь, ну давай!

Я когды иша малым-то был, мне бабка моя сказывала, што в лесу-то нашем, где-то у Рак-ручья, лежит Чум-камень. А под им клад спрятан. Кто камень тот сумет сдвинуть, тому и клад! Во как! Ну чево. Я пока малым-то был, все бегал туды, искал. Ничево не нашел. Мужиком стал, чево уж бабкиным байкам верить, ан нет, бывалоче, хаживал — опять искал. Ничево! Теперя уж старик, и то бродил... Не, ничево! А тут на днях, андели! Спать-то лег, засопел уж, вдруг во сни-то и вижу! Стою я в лесу, осень уж, светло так... Бабка моя, Анна Ивановна! В сарафане-синяке, в платочке беленьком, в лапоточках. Бруснику берё! Корзиночка у ей светленька така, а брусника... крупна, сочна, бура аж. Бабка меня-то увидала, заулыбалась. «Што, — говорит, — голубеюшка, всё Чум-камень ишпешь? А ты в души-то у себя поишши, в жизни своей... Чум-камень-то — ето грехи наши, дела худы. Давят... гнетут... Нать их помалёху-то колупать, сразу-то, бывает, и не подымешь... Тут уж Бог в помощь! Ты как с има-то разбересся, тебе такой клад откроется! Лучше нет награды-то! Главно, до смерти успеть! Я-то уж знаю!» И пропала... Тут я и проснулся...

Словарик

Андели — ангелы; здесь: вот это да!

Байна — баня.

Баски — красивые.

Басня — рассказ; от слова «баять» (рассказывать что-то необычное).

Батог — палка, посох.

Бват — может быть.

Бирывать — брать.

Вица — прут.

Вместяк — вместе.

Говорко — шумно.

Голубеюшка — голубчик.

Грязник — октябрь.

Дельный — полезный, нужный.

Запечье — пространство в избе за печкой, где часто хранили домашнюю утварь.

Иша — еще.

Еко, екий — это, этот.

Катанцы — валенки.

Козули — пряники.

Кокнуть — ударить.

Короб — корзина.

Кочкаться — что-то делать.

Крынка — глиняная чаша небольшого размера для приготовления каши, жаркого.

Кыркать — возражать.

Майна — прорубь.

Мурга — провал в лесу.

Нажориться — напиться (алкоголя).

Нать — надо.

Нашто — зачем.

Оскобелок — обломок полена, доски.

Остатки — совсем.

Пехтерёк — емкость для рыбы.

Порато — очень.

Потароболить — поболтать.

Приблизниться — привидеться, присниться.

Тамотке — там.

Тата — отец.

Тужурка — куртка.

Тутотке — тут.

Чикалка — мобильный телефон.

Чихота — чихание.

Ярка — овца.